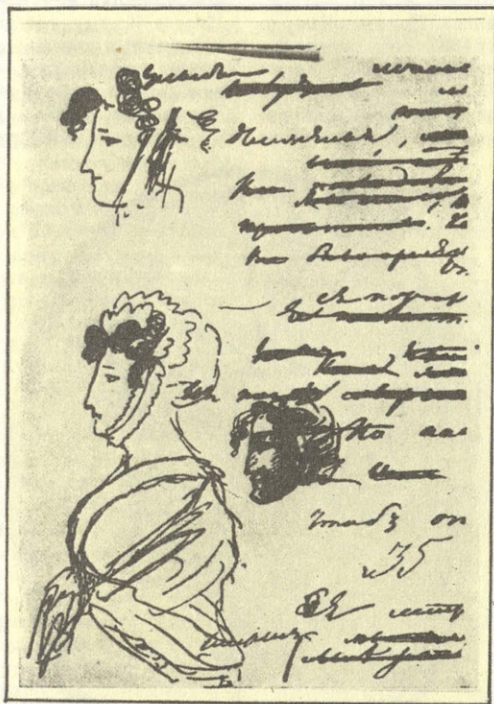

«Храни меня, мой талисман»

О ПЕРСТНЯХ ПУШКИНА

Перстень — талисман великого поэта, породил немало легенд, затем и сам превратился в легенду. Было много попыток проследить его судьбу. К сожалению, и до настоящего времени в судьбе перстня и связанных с ним стихотворений еще много загадочного.

Пушкин любил повторять: «Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различие» (Пушкин, т. 4. — М.: АН СССР, 1937. — С. 543). Поэтому постараемся проследить судьбу этого перстня Пушкина как бы в совокупности с другими фактами и доказательствами, ведь этот перстень был не единственный, были и другие.

В подавляющем большинстве исследователи сходятся на том, что перстень — талисман, которым Пушкин дорожил и не расставался всю жизнь, представлял собой сердолик-интальо, резной камень с углублением. Ему он был подарен Е. К. Воронцовой в Одессе, перед отъездом в ссылку в Михайловское.

Обычно резные камни-интальо служили печатками на сургуче или воске, которыми в то время запечатывали письма, конвертов еще не существовало.

Первые документальные сведения о перстне с сердоликом принадлежат В. А. Жуковскому. В письме С. М. Соковину 20 июля 1837 года Жуковский сделал приписку: «Печать моя есть так называемый талисман; подпись арабская, что значит не знаю. Это Пушкина Перстень, им воспетый и снятый мной с мертвой руки его» (Жуковский В. А.

Сочинения. — 7-е изд. — Спб., 1878. — Т. 6. — С. 547).

В 1880 году в Петербурге в сентябре проводилась первая пушкинская выставка. На ней среди других реликвий Пушкина экспонировался перстень, но уже как собственность И. С. Тургенева. К перстню была приложена записка: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил постоянно этот перстень (по поводу которого написал стихотворение «Талисман») и подарил на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его мне. Иван Тургенев. Париж. Август 1880».

Описание знаменитого перстня-талисмана было сделано одним из посетителей выставки, которое было напечатано в «Лодзинском листке» в 1899 году: «Этот перстень — крупное золотое кольцо витой формы с большим камнем красноватого цвета и вырезанной на нем восточной надписью. Такие камни со стихом корана или мусульманской молитвы и теперь часто встречаются на Востоке» (см.: Февчук Л. П. Личные вещи Пушкина. — Л., 1968. — С. 68).

В 1887 году 8 марта в газете «Новое время» было напечатано письмо В. Б. Пассека, русского вице-консула в Далмации. В этом письме он удостоверил, что умерший в Буживале под Парижем в доме Полины Виардо И. С. Тургенев действительно владел перстнем великого поэта. Пассек приводил сказанные

Рисунки Пушкина Воронцовой в черновых тетрадах

при нем слова писателя: «Я очень горжусь обладанием пушкинского перстня и придаю ему так же, как Пушкин, большое значение. После моей смерти я бы желал, чтобы перстень был передан графу Л. Н. Толстому, когда настанет час, граф передал этот перстень по своему выбору, достойному последователю пушкинских традиций между новейшими писателями».

После смерти Тургенева Полина Виардо через В. Н. Герарда в 1887 году передала Пушкинскому музею Александровского лицея перстень Пушкина. Он был вложен в футляр, заказанный, очевидно, для петербургской выставки в 1880 году. На крышке футляра были

доктора Оксфордского университета. В поездку он взял с собой перстень, чтобы кто-нибудь из ориенталистов помог прочесть таинственное изречение.

В настоящее время в статьях, касающихся перстня-талисмана, обычно принимается перевод: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память». Надпись сокращенная и могла быть сделана в Чуфут-Кале в Крыму, где действительно проживали в это время еврей-караимы. Перстни с подобных изречениями, вырезанными на камнях, еще можно было купить на базаре в городе Бахчисарае в 30-х годах нашего столетия.

В том же 1880 году с 4 июня проходила

Слепок с портрета Воронцовой с инталю, вырезанного на карнеоле Пихлером в 1820 году

вытиснены золотые буквы «П.Б.А.Л.» (Пушкинская библиотека Александровского лицея).

Из музея перстень с сердоликом был украден, по этому поводу в газете «Русское слово» от 23 марта 1917 года сообщалось: «Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещавшегося в здании Александровского лицея, обнаружена кража ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находится золотой перстень, на камне которого была надпись на древнееврейском языке».

От украденного перстня остались отпечатки на воске и сургуче, которые сейчас находятся во всеоюзном музее. По отпечаткам можно сказать, что в кольцо был вставлен восьмиугольный камень-инталю с надписью на древнееврейском языке. Надпись хотя и «магическая», но довольно грубого начертания, снизу и сверху обрамлена орнаментом.

Пушкин, очевидно, не знал, что означает надпись на камне, где «слова святые начертала на нем безвестная рука». Жуковский так же не знал, что она означает, и ошибочно относил ее к арабской. Тургенев делал попытку расшифровать надпись, когда в 1878 году ездил в Англию для получения степени

московская юбилейная выставка, которая по времени несколько предшествовала пушкинской выставке в Петербурге. На ней был представлен другой принадлежавший Пушкину золотой перстень, со вставленным в кольцо изумрудом квадратной формы. Перстень на выставку был представлен родственниками писателя и врача Владимира Ивановича Даля. Даль не отходил от Пушкина до самой его кончины, наступившей в 2 часа 45 минут пополудни 29 января 1837 года.

«Мне достался от вдовы Пушкина, — пишет В. И. Даль в своих воспоминаниях, — дорогой подарок, перстень с изумрудом, который он всегда носил в последнее время и называл — не знаю почему «талисманом». Так же как и Жуковский, и Тургенев, В. И. Даль этому памятного подарку придавал большое значение. В письме В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года из Оренбурга, через два месяца после смерти поэта, он пишет: «Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман — Вам это могу сказать. Вы меня поймете. Как гляну на него, так пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное» (Пушкин в неизданной переписке современников. — М.: АН СССР, 1952. — Т. 58. — С. 145).

На выставку перстень был доставлен дочерью Даля О. В. Демидовой. После выставки перстень с изумрудом находился у президента Императорской Академии наук вел. князя Константина Константиновича и был им заведен Академии. В 1915 году поступил в Пушкинский дом. В настоящее время золотое кольцо с изумрудом хранится в фондах Всеобщего музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

Изумруд вставлен в массивное золотое кольцо с гладкой поверхностью. На кольце справа и слева от камня имеется пять каплевидных вмятин. Сам драгоценный камень квадратный, со слегка закругленными углами и слегка выпуклой лицевой поверхностью, огранки типа «кабюшон» — камень имеет одну из сторон выпуклую или вогнутую, что делается для придачи игры света в камне.

Сохранился еще один перстень с сердоликом, принадлежавший поэту. Этот перстень, со скромным, слабо окрашенным сердоликом, так же, как перстень, подаренный Воронцовой, служил печаткой. Сейчас он тоже находится в фондах Музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

Кольцо было положено поэтом в лотерею, которая разыгрывалась в доме Раевских. Кольцо выиграла Мария Раевская, младшая дочь генерала Н. Н. Раевского, впоследствии княгиня Волконская, последовавшая за мужем-декабристом в сибирскую ссылку. Внук ее, С. М. Волконский, в 1915 году передал в Пушкинский дом тонкое золотое кольцо, в которое был вставлен сердолик. На камне вырезаны три амура, садящиеся в ладью.

Как великую драгоценность носила М. Н. Волконская это кольцо во время пребывания в Сибири, а перед смертью передала сыну. Кольцо сопровождалось письмом внучки Волконской на имя известного пушкиниста Б. Л. Модзалевского: «Прошу Вас принять и передать в дар Пушкинскому Дому Императорской Академии Наук прилагаемое кольцо, принадлежащее Александру Сергеевичу Пушкину. Оно было положено в лотерею, разыгранную в доме Н. Н. Раевского, и выиграно бабушкой моей — Марией Николаевной — женой декабриста и подарено мне моим отцом кн. Сер. Волконским, когда я окончила гимназию... в 1880 г.» (см.: Февчук Л. П. Личные вещи Пушкина. — С. 34).

Амур или Купидон в римской поэзии и искусстве соответствовал греческому Эросу. В пушкинское время бытовал как сюжет любовной страсти в поэзии и искусстве. Вырезанные на камне три амура в ладье как бы усиливали символику любви этого кольца.

По выходе из лицея Пушкин служил в коллегии иностранных дел в Петербурге. В петербургский период жизни он стал членом литературного общества «Зеленая лампа», именуемого так по цвету лампы, висевшей в зале, где собирались его члены. Хотя общество не имело никакой политической цели, но сам девиз его «Свет и Надежда» подразумевал и нечто другое. Статут приглашал на заседаниях объясняться и писать свободно, и каждый член еще давал клятву хранить тайну. Общества, подобные «Зеленой лампе», были характерны для того времени и в них еще сохранились традиции масонских лож. Члены общества, опять же следуя традициям масонских братств, обязаны были иметь у себя специальный перстень с пе-

чаткой. Был такой перстень и у членов «Зеленой лампы» с печаткой в форме античного светильника. Очевидно, подобный перстень с печаткой был и у Пушкина. Оттиск этой печати был обнаружен на письме поэта к члену кружка «Зеленой лампы» П. Б. Мансурову, отправленном 27 октября 1819 года из Петербурга в Новгород. Красивый и довольно ясный оттиск маленькой печати на сургуче, на котором изображен сосуд в форме античного светильника, с выступающей справа высокой ручкой в форме птичьей или змеиной головы на длинной шее. Аналогичное изображение, какое вырезано на этом перстне,

Акварельный портрет Е. К. Воронцовой П. Ф. Соколова. Около 1823 года

воспроизведено на титульном листе сборника стихов Я. Н. Толстого «Мое праздное время», изданных в 1821 году в Петербурге. Толстой приятель юных лет Пушкина и вместе с Никитой Всеволожским был одним из учредителей и председателем «Зеленой лампы». В сборник включены стихотворения, читавшиеся на заседаниях общества. Здесь светильник помещен в составе гравированной виньетки между лирой и якорем в облаках и попал сюда не случайно, а как один из атрибутов увлечений Толстого. По свидетельству старшего сына поэта А. А. Пушкина, перстень с печаткой светильника был потерян его отцом в кишиневский период жизни.

Был у Пушкина браслет, который он носил выше запястья на левой руке. В письме к В. П. Зубкову 1 декабря 1826 года из Пскова он делает приписку: «Я дорожку моей бирюзой, как она ни гнусна» (Пушкин. — Т. 13. — С. 563). Это был золотой браслет, и,

как выяснилось позже, в него была вставлена не бирюза, а зеленая яшма с какой-то восточной надписью, очевидно турецкой. В пору увлечения Пушкиным Екатериной Ушаковой он подарил ей этот золотой браслет с яшмой. Жених Ушаковой в пылу ревности сломал браслет. Но ее отец уже после смерти Пушкина велел вырезать на другой стороне камня инициалы поэта и вставить его в кольцо. Дальнейшие следы перстня затерялись.

В своих воспоминаниях А. П. Керн рассказывает, что после возвращения Пушкина из михайловской ссылки свои именины он отмечал в доме родителей в Москве, в Петер-

бургу ему разрешили приехать только в 1827 году. На именинах присутствовала Керн. Пушкин в этот день был весел и много шутил. После обеда поэт и переводчик А. С. Норов подвел Пушкина к Керн и сказал: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарите, а он так много вам писал прекрасных стихов». — «Вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Как пишет А. П. Керн: «Он взял кольцо, надел на свою маленькую прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое». Обещанное кольцо с тремя бриллиантами Пушкин привез на следующий день (Керн А. П. Воспоминания о Пушкине//Пушкин в воспоминаниях современников. — Л., 1936. — С. 332). Других сведений о кольце, подаренном Керн, и где оно сейчас, не имеется.

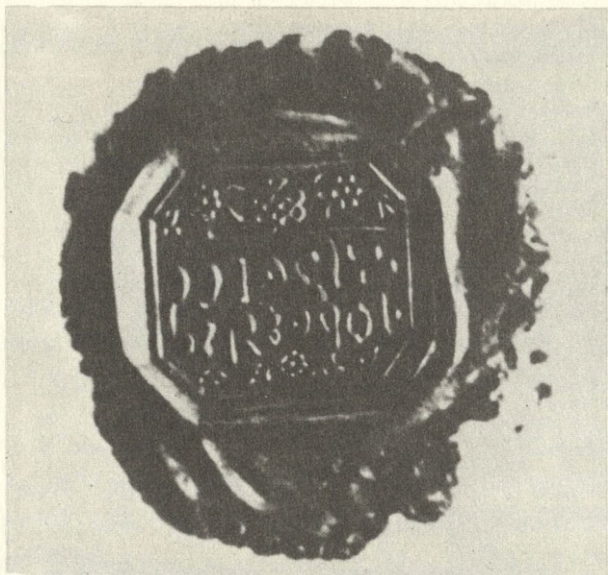
Но известно, например, что у Пушкина было золотое кольцо с бирюзой, подарок П. В. Нащокина, большого друга поэта. Как пишет в своих воспоминаниях жена Павла Воиновича, Нащокин сделал два одинаковых кольца и одно преподнес в подарок Пушкину в последний его приезд в Москву в мае (3—20) в 1836 году. Перед смертью поэт это кольцо подарил Данзасу, лицейскому товарищу, бывшему секундантом на дуэли. По свидетельству Нащокиной, Пушкин протянул кольцо Данзасу и сказал: «Возьми и носи это кольцо. Мне подарил наш общий друг, Нащокин. Это талисман от насильственной смерти». К великому огорчению Данзаса, талисман с бирюзой был им потерян.

Взамен кольца с бирюзой, подаренного Нащокиным, поэт обещал прислать В. А. Нащокиной браслет с бирюзой. Браслет Нащокина получила уже после смерти поэта с письмом Наталья Николаевна Пушкиной, в котором она сообщала, как беспокоился муж, чтобы подарок был вручен как можно скорее.

В России и Европе в XVIII и начале XIX века было повальное увлечение символикой камней, не избежал этого увлечения и Пушкин. Он достаточно хорошо разбирался в «значении» камней и, как видим, не раз сам дарил их друзьям и знакомым.

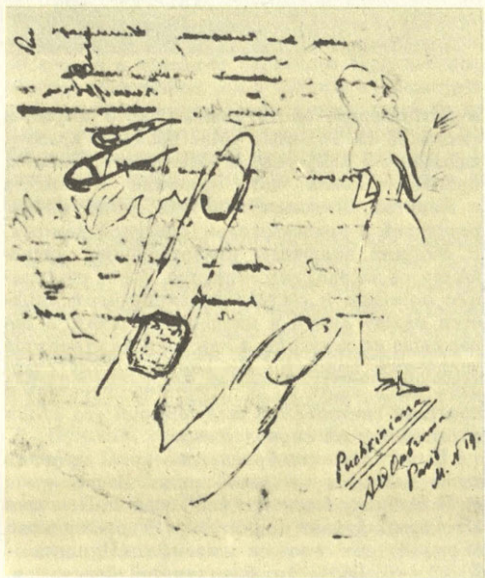
Несомненно, для людей пушкинской эпохи кольца, перстни и браслеты были не только украшениями, а скорее всего памятью о ком-то или о чем-то, то есть тем, что мы сейчас зовем сувенирами. В это время были выпущены многочисленные лапидарии — книги с описанием как самих камней, так и объясняющие их чудодейственные свойства. Большинство руководств были старинными, чаще всего написанными по-латыни, как, например, «История украшений и драгоценных камней», составленная придворным врачом А. Voetius de Boet, изданная в Голландии в 1647 году. Это руководство часто цитировалось. В библиотеке Пушкина имелся знаменитый двадцатитомный труд Кая Плиния Старшего «История ископаемых тел» на французском языке, изданный в Париже в 1829—1833 гг., (три тома этого труда были специально посвящены камням и металлам и их употреблению в медицине и искусстве) и, наконец, описание драгоценных камней и о том, где их находят и применяют.

Интерес к драгоценным камням был так велик, что несколько ранее известный минералог В. Н. Севергин эти три тома перевел на русский язык и издал в 1807 году в Петербурге.

Отпечаток на сургуче перстня-талисмана с сердоликом

Рисунок Пушкина перстня-талисмана с сердоликом

Согласно лапидариям — книгам, содержащим описание драгоценных и самоцветных камней и, по древним поверьям, пришедшим из далекой древности, указывалось, что изумруд служит талисманом людей, посвятивших себя искусству, аметист дает власть над ветрами и покровительствует мореплавателям, лунный камень считался талисманом волхов, алмаз — воинов. Но «значения» камней в разные периоды истории и у разных народов приобретало разное значение. Аметист, например, у древних греков предохранял также от опьянения и даже отравления. Арабы приписывали сердолику лечебные свойства.

Изумруд же во все века был призван вдохновлять поэтов, художников и музыкантов. В средние века в Европе им награждали победителя в состязании бардов. Во Франции его вручали вновь избранному королю менестрелей. И, как сказано в лапидариях, изумруд помогает остроумию и предвидеть будущее. Трудно найти другой цветной камень, который бы так высоко ценился в древности, как изумруд, часто называемый камнем сияния.

Изумруд (древнерусское название «смаррад») окрашен в красивый зеленый цвет разных оттенков. Чистые изумруды, как их называют ювелиры «чистой воды», ценятся, и часто дороже алмаза.

В «Естественной истории ископаемых тел» еще римлянин Кай Плиний Старший писал: «Нет цвета, который был бы приятнее для глаз. Ибо мы с удовольствием смотрим так же на зеленую траву и листья деревьев, а смарагды тем охотнее, что в сравнении с ними никакая вещь зеленее не зеленеет, только смарагды нежностью зелени смягчают утомляемость».

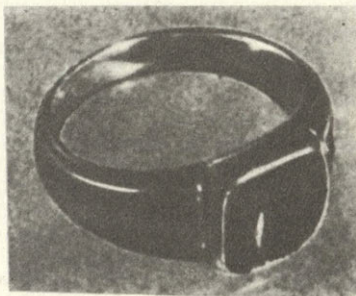
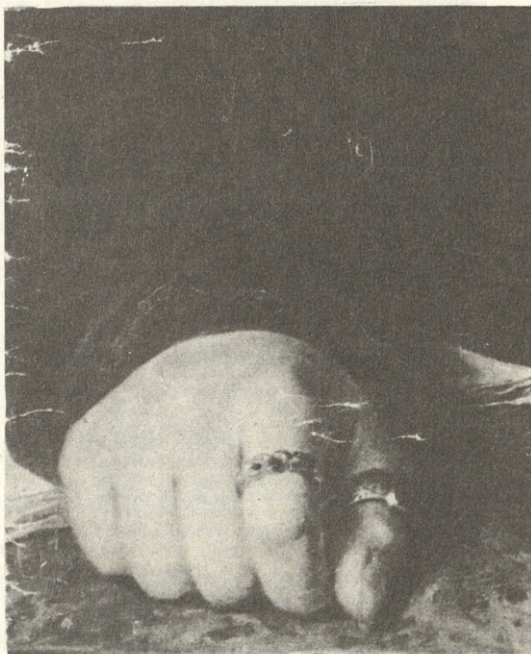
До открытия в 1830 году месторождения на Среднем Урале в России изумруд был сравнительно редким камнем. В то время в Европу они привозились, главным образом, из Южной Америки. Испанцы при завоевании государств захватывали здесь сказочные богатства и изумруды. Наряду с южноамериканскими были распространены индийские изумруды, которые добывались в Египетских копях. Европейские ювелиры в то время предпочитали для изумрудов ступенчатую, так называемую смарагдовую, огранку, индийские ювелиры обычно гранили их в форме кабошона.

Изумруд в перстне Пушкина огранен в форме кабошона. Изумруд по календарю «счастливых камней» приписывается людям, родившимся в мае месяце. Как известно, Пушкин родился 26 мая по старому стилю. Во все времена изумруд был одним из наиболее драгоценных камней. Да и по красоте он почти не уступает бриллианту. На изумруде почти не делали печатей, известны единичные камни с печатями на нем.

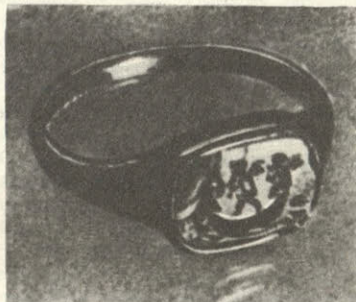
Один из более легендарных изумрудов в виде печати был в перстне Поликрата Самосского — богатого и щедрого тирана, правившего в середине VI века до н. э. на острове Самос. Поликрат окружил себя пышным двором. При дворе было много известных певцов, музыкантов, поэтов. В окружении Поликрата находился известный врач древности Демонад. Жил при дворе также и выдающийся греческий поэт — лирик Анакреонт родом из города Теоса в Малой Азии. Поэзии Анакреонта

отдал свою дань Пушкин. Великим мастером, резчиком камней Диодором с Самоса на изумруде была вырезана лира, окруженная пчелами. Среди древних греков существовала легенда, что этот перстень стоил столько же, сколько остров Самос. Впоследствии император Август будто бы пожертвовал этот перстень богам, которые ему покровительствовали. Август бросил его в море. На этой основе Ф. Шиллер написал балладу «Поликратов перстень». На русский язык она была переведена Жуковским.

Начиная с древних времен изумруду, как и другим драгоценным камням, придавались

Деталь портрета А. С. Пушкина работы В. Тропинина. 1827 год

Перстень Пушкина с изумрудом

Перстень-печатка с вырезанными на сердолике тремя амурами в лодке

лечебные свойства. Большой популярностью пользовался лечебный лапидарий Мардоба Реннского, жившего в XI веке. Что интересно, его многочисленные теологические труды в прозе и стихах были забыты, а вот лапидарий «Поэма о геммах или драгоценных камнях» переиздавалась много раз. Достаточно сказать, что только в XVI столетии ее переиздавали восемь раз. В поэме немало суеверий и легенд, но одновременно по всем минералам, описанным в поэме, даются и практические советы медицинского толка. Очевидно, есть какая-то доля истины о воздействии минералов на самочувствие человека, поэтому эта книга и другие подобного рода труды пользовались успехом. Многовековой опыт народной медицины обратил внимание древних и средневековых врачей. Но затем, как это бывает, о них забыли. Но ведь не отрицает же современная наука полезности ношения янтаря или магнитных браслетов. Причина их воздействия на человека неизвестна, и современная медицина еще только ищет объяснения этим вопросам.

Но вернемся к изумруд, вот как описывают его свойства Мардобом Реннским в «Поэме о геммах или драгоценных камнях», перевод с латинского сделал московский профессор-медик Ю. Ф. Шульц:

*...Лучшая форма у тех, что имеют ровное тело.
Камень удобен такой, говорят, испытателям таинств,
Если провидеть зотят и давать по воде предсказанья.
Множит сей камень богатство, нажитое благочестиво,
В случаях всех наделяя слова убеждающей силой.
Словно само красноречье находится в камне подобном,
Если повешен на шею,—смирит лихорадки свирепость,
Способом тем же лечит и падающую страдающую может,
Лечит лекарством зеленым поникшие в дряхлости узы,
И, показав, что он отвращает неустовство бури,
И сладострастия он, говорят, умеряет порывы,
Зелени он может достиг и красы совершенной,
Если вином орошен и намазан зеленой оливкой.*

Обычно пропитка драгоценных камней различными растворами делалась с целью улучшения их окраски. Плиний Старший при характеристике мидийских изумрудов писал, что они зарождаются не совсем зелеными, но становятся лучше от вина и оливкового масла. Этот способ улучшения качеств и использовал Мардоб Реннский в своей поэме.

Изумруд — очень устойчивый камень и не изменяется ни от солнца, ни от тени. Кроме того, при одном взгляде на него глаза наслаждаются, но не насыщаются, и даже зрение, утомленное другими предметами, вновь обретает свою ясность при взгляде на изумруд.

Сердолик, или карнеол, относится к самоцветным разновидностям камней группы халцедона. Это камень красного цвета разных оттенков. Он может быть розовым, светло-оранжевым или темно-красного, вишневого цвета.

Сердолик — слово русского происхождения, что означает радующий, напоминающий сердце. Название карнеол происходит от латинского — кизил. Одна из разновидностей халцедона, близко примыкающая к сердолику, носит название «сардер» — окрашенный в каштаново-бурый; коричневый с красным просвечиванием цвет. Происхождение названия нельзя, однако, считать установленным точно. Возможно оно происходит и от греческого «сардион» — сорт красно-коричневой рыбы.

Сердолик обладает глубокой просвечиваемостью, а неоднородность окраски придает

ему неисчерпаемую привлекательность. Это более распространенный камень, чем изумруд. Ему приписывалось много особых свойств, в том числе и лечебных. Это камень цвета крови, цвета жизни и радости, в связи с чем, например, арабы были убеждены, что сам Магомет объявил его лечебным камнем. Некоторые народы Востока верили, что он предохраняет живых от болезней и смерти, дарит счастье, благополучие.

С незапамятных времен многими народами сердолику за его красный цвет приписывались такие лечебные свойства, как способность понижать горячку или легко унимать разбушевавшуюся кровь и даже останавливать кровотечение, ведь эти недомогания связаны с кровью, а по цвету этот камень напоминает кровь.

В средние века в Европе было убеждение: тем, кто обладает сердоликом, он придает храбрость и может вызвать любовь и симпатию. Вот как описываются исцеляющие свойства карнеола в той же «Поэме о геммах...» Мардоба Реннского:

*Упомянуть средь камней мне не стыдно теперь карнеолы;
Хоть и являютя те в своем темно-красном обличье,
Но, как считают, из сила отнюдь не достойна презренья.
Ведь этот камень, когда его носят на пальце иль шею,
Ярости вспышки смирят, которые в споре возникли.
Кажется, также хорош он и для омовения мяса;
Кровотечения он прекращает из органов; если же
Женщина этим страдает, то он поможет сужубо.*

Как указывает переводчик поэмы Ф. Ю. Шульц, значение выражения «омовение мяса» в оригинале непонятно, возможно, речь идет о ранах на мягких тканях, которые приходилось исцелять при помощи снадобий с сердоликом.

Известный арабский философ и врач Ибн Сина, живший в Средней Азии в конце X и начале XI века, привел описание рецепта снадобья, где карнеол входил как составная часть в изобретенную им лекарственную кашку, которая, по его утверждению, помогала против сердечной тоски, перебоев и слабости сердца, при заболеваниях мозга, желудка, печени, селезенки, от болей в суставах и хронических лихорадках. Правда, предупреждал, что пропись принятия в каждом отдельном случае очень сложна. Наряду с карнеолом в лекарственную кашку Ибн Сина рекомендовал включать также красную яшму и красный яхонт (рубин).

На Руси же красный камень сердолик считался талисманом любви и страсти. Его старинное название «смазень». Было у него и другое имя — «каднос». В некоторых руководствах его называли «сардий», очевидно, по аналогии с сардером. Еще в средневековом «Азбуковнике» говорилось, что сердолик красным цветом напоминает огонь и кровь, изображает пламень веры. Считалось, что он может содействовать любви. Вот почему его носили как талисман. В средние века даже различали мужскую — красно-коричневую и женскую — розово-оранжевую разновидности сердоликов.

Сердолик был излюбленным камнем резчиков, на котором вырезались различные печати, особенно много прославленных камней и инталий, вырезанных на сердолике и его разновидностях, дошли к нам из античного мира.

Печать-инталио была на сердолике в перстне Пушкина, подаренном Воронцовой. Се-

стра поэта Ольга Сергеевна Павлицева рассказывала первому биографу Пушкина Анненкову, что в 1824 году, примерно через месяц после приезда Пушкина в Михайловское, он получал письма из Одессы с печатью, изукрашенной точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне его брата, — он запырался к себе, никуда не выходил и никого не принимал.

Несмотря на утверждение О. С. Павлицевой, все-таки достоверно невозможно установить, был ли у Воронцовой перстень точной копией пушкинского перстня, или на нем возможно было другое изречение, так как ни одного оттиска с печати этих писем не сохранилось. Письма от Воронцовой по ее просьбе все были уничтожены Пушкиным. Нет никаких сведений и о самом перстне, которым Е. К. Воронцова запечатывала свои письма к Пушкину. Вероятнее всего предположить, что Воронцова этим перстнем запечатывала только письма к одному адресату — Пушкину.

В Государственном музее А. С. Пушкина в Москве хранится слепок на гипсе скульптурного профильного портрета Воронцовой в овальной рамке. Слепок сделан Луиджи Пихлером в 1820 году с печати — инталии, вырезанной им же на карнеоле. Пихлер — итальянский резчик по камню, созданный им портрет интересен по своей фактуре и мастерству исполнения. Эта гемма могла служить и печатью. Нужно отметить, что печать-инталио, принадлежавшая Пушкину, не относится к произведению, выполненному Л. Пихлером.

В обширной переписке Пушкин свои письма чаще всего запечатывал гербовой печатью рода Пушкиных или печатью на сердолике. Первое дошедшее до нас письмо, запечатанное перстнем-талисманом с печатью на красном сургуче, было написано А. А. Дельвигу в Михайловском 8 июня 1825 года. В дальнейшем Пушкин часто запечатывал свои письма, особенно к друзьям и близким знакомым, перстнем-талисманом. Поэтому он был известен широкому кругу его корреспондентов. Печатака на сердолике была необходима чаще, а перстень с изумрудом покоился в шкатулке и был известен ограниченному кругу людей.

В литературе, особенно в последнее время, можно встретить совершенно бездоказательное утверждение, что перстень с сердоликом Пушкин носил постоянно. Однако это мнение основано только на свидетельстве, правда, исходящем от очень близкого ему В. А. Жуковского. Как-то забылось, что В. И. Даль в своем письме к Одоевскому утверждал, что перстень с изумрудом также был на руке Пушкина постоянно.

С перстнем, который подарила поэту Воронцова, связано несколько стихотворений, написанных в разное время. Где-то в декабре 1824 года или в январе следующего года Пушкин пишет «Сожженное письмо». Некоторые исследователи предполагают, что в этом письме Воронцова писала о его будущем отцовстве, но, как бы то ни было, она просит уничтожить письмо. Письмо Пушкин сжег, но память об этом письме вылилась в стихотворение. Письмо было запечатано печатью, которая была ему хорошо знакома, — «Уж перстня верного утрата впечатленья, растопленный сургуч кипит». Как следует из самого стихо-

творения, печатка была с «перстня верного». Но в то же время это определение еще не дает права говорить о точной копии перстня Воронцовой, что утверждала сестра Пушкина Анненкову. Вероятно, Воронцова только письма к Пушкину запечатывала печатью, известной им обоим. Посылал ли Пушкин ответные послания, неизвестно. Возможно, форма и стиль написания печатей были идентичны, но были ли идентичны надписи, мы никогда не узнаем.

В ноябре 1827 года чета Воронцовых проездом из Англии заехала в Петербург, где в это время находился Пушкин. К этому времени и относится стихотворение «Талисман», под ним стоит дата: 6 ноября, ночью 1827 г.

Стихотворение проникнуто любовью. В нем точно указана география событий и ряд других обстоятельств, связанных с пребыванием Пушкина на юге.

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы.
Где в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.*

*И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.*

*И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит:
И тебя на лоно друга
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...*

*Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохрани мой талисман».*

Талисман «волшебницы» беспомощен от превратностей судьбы, не спасет он головы ни в бурю, ни в ураган. Ведь его назначение внушить любовь, и дан он любовью, и только «когда коварны очи очаруют» — тут и выступает его чудодейственная сила, связанная с камнем.

На сохранившихся листках черновиков, на оборотной стороне листа с текстом Пушкин поставил пять печатей. Многие считают, что это оттиски перстня-талисмана, о котором написано стихотворение. Это заблуждение прочно вошло в литературу и кокет по страницам Пушкинианы до наших дней.

Но еще в 1937 году в научном описании рукописей Пушкина, составленном Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, указывалось,

что эти пять печатей не являются оттиском перстня-талисмана (Рукописи Пушкина. — М.; Л.: АН СССР, 1937. — С. 9). На всех оттисках имеются разные аллегорические изображения с девизами на французском языке. Так, на первой печати — треугольник с отвесом и девиз: «всегда справа»; на второй — букет и надпись: «то...ош»; на третьей печати стрела и девиз: «в мою цель»; на четвертой — пламя, девиз: «живое и чистое»; на пятой — бабочка над цветком и надпись: «я ожидаю».

Как видно из описания, никаких следов перстня-талисмана среди печатей нет.

В черновых набросках Пушкина сохранилось неотделанное стихотворение, которое он написал, находясь в ссылке в Михайловском. Набросок стихотворения относится к концу 1825 года и связан с Одессой и Воронцовой.

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Блестев, принес мне талисман.*

*Его таинственная сила
.....
Слова святыя начертала
На нем безвестная рука.*

В стихотворении точно сказано, что талисман он получил «в день гоненья», когда узнал, что одну ссылку заменили другой, еще более жестокой.

В основе каждого из этих двух приведенных произведений лежат одни и те же реальные события. Очевидно, этот сюжет был не только внутренне близок, но и важен для него, как нечто интимное, связанное с ним. 31 июля он выехал из Одессы, нигде не задерживаясь. 9 августа был в Михайловском, 5 сентября получил письмо от Елизаветы Воронцовой. Получение письма было событием в уединенном Михайловском, поэтому после XXXI строфы 3-й главы «Евгения Онегина» он делает приписку на французском языке «I письмо».

На оборотной стороне чернового автографа стихотворения «О бедность затвердил я наконец» Пушкин нарисовал кисть левой руки с перстнем-талисманом на указательном пальце. Это рука самого поэта, о чем свидетельствуют длинные ногти на указательном и большом пальцах, что не раз отмечалось современниками. Печатка на кольце восьмиугольная. Внутри печатки поэтом нарисованы различные знаки, что, очевидно, должно отражать вырезанные на камне знаки. Стихотворение датируется 1835 годом.

Уже после смерти поэта, в 1839 году, по памяти Карлом Мазером был нарисован портрет Пушкина под присмотром его ближайшего друга П. В. Нащокина, проживавшего в Москве. Нащокин очень болезненно переживал смерть Пушкина. Портрет интересен документальностью аксессуаров. Мазер бывал в доме Натальи Николаевны, где сделал наброски для будущей картины, зарисовав личные вещи поэта. Пушкин изображен в красном клетчатом архадуке, подаренном Натальей Николаевной после смерти мужа Нащокину. На большом пальце левой руки надет перстень-талисман. Но какой перстень — определить невозможно. Вставленный в кольцо камень прорисован красным, очевидно, сердолик.

В 1827 году в январе — феврале Пушкин, будучи в Москве, позировал художнику В. А. Тропинину. Тропинин в это время жил на Волхонке, куда приходил в мастерскую художника на сеансы Пушкин. Тропининым сделаны два эскиза, небольшой этюд и затем известный портрет в домашнем халате, с перстнем-талисманом на правой руке. Если костюм на этом «домашнем» портрете, скорее всего, был выбран Тропининым, так как есть по крайней мере семь портретов разных людей и даже автопортрет самого художника в одном и том же халате, то перстень и кольцо на правой руке выбраны, скорее всего, Пушкиным, причем в перстне камень прорисован зеленой краской и, следовательно, напоминает изумруд. И не случайно оттенена правая рука с бросающимся в глаза перстнем с изумрудом на большом пальце с длинным ногтем. Рука положена на столик поверх пачки белой бумаги, все это только подчеркивало призвание портретируемого.

Изумруд для Пушкина являлся не только счастливым камнем по рождению в мае месяце по старому стилю, но и жизненному призванию, и вытекает из тех исторических предначертаний, которые приписывались изумруду по символике камней.

На этом же портрете, на той же правой руке, но на указательном пальце надето кольцо витой формы. Кольцо прорисовано желтой краской, оно, очевидно, золотое и очень напоминает кольцо с перстнем, подаренным Воронцовой, что так подробно было описано одним из посетителей выставки в «Лодзинском листке» в 1889 году. Только камень сердолик с печатью повернут в противоположную от зрителя сторону. До сих пор на это не обращалось внимания, да и других колец витой формы у Пушкина современниками не отмечалось. Обычно витая форма колец характерна для ювелиров-мусульман. А это хотя и косвенный признак, но может служить аргументом в пользу того, что такое желание могло возникнуть только у заказчика, то есть у Пушкина.

Точно неизвестно, когда появился у Пушкина перстень с изумрудом. Но находясь в ссылке в Михайловском в первой половине ноября 1824 года, он в письме просит брата Льва прислать «Рукописную мою книгу, да портрет Чаадаева, да перстень» и добавляет: «мне скучно без него» (Пушкин. — Т. 13. — С. 120.). В списке поручений, данных брату, среди других Пушкин еще раз напоминает «bague» — перстень (*фр.*). А несколько позднее, 20—23 декабря 1824 года, опять настойчиво просит Льва Сергеевича: «Да пришли мне кольцо, мой Лайон». О каком кольце-перстне здесь идет речь, не указано. Известно, что этим кольцом поэт дорожил не меньше, чем перстнем с сердоликом. Но кольцо, подаренное Воронцовой, в это время находилось у него. Естественно предположить, что это был перстень с изумрудом, который с такой настойчивостью просил прислать Пушкин в Михайловское.

Стихотворение «Храни меня, мой талисман» связывают с перстнем, подаренным Воронцовой. Например, в книге Л. П. Февчук «Личные вещи Пушкина» (1968) или в большой работе Т. Г. Цяловской, посвященной отношениям поэта с Воронцовой (Проме-

тей.— 1975.— № 10), и совсем недавно вышедшей книге Б. И. Бурсова «Судьба Пушкина» (1985), и в ряде других это стихотворение также относят к циклу, связанному с перстнем-талисманом с сердоликом.

*Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни зоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.*

*Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.*

*В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.*

*Священный, сладостный обмен,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.*

*Пушай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай надежда; спи желанье;
Храни меня, мой талисман.*

Если сравнить его со стихотворением «Талисман», написанным гораздо позже, по своему строю и назначению оно резко отличается. Т. Г. Цявловская убедительно доказывает, что это стихотворение является антитезой стихотворению «Талисман».

Едва ли какое-нибудь другое стихотворение Пушкина в XIX веке имело такой резонанс. Интерес к чему-то сверхъестественному и необычайному не утихал, и поэтому амулеты-талисманы были в чрезвычайном ходу. Талисман, или амулет,— предмет, снабженный известными фигурами, знаками или надписью, обычно носили с собой. Впервые характеристику амулету дает Плиний Старший в своем знаменитом труде, и назначение его было как средство против яда. Это как бы заколдованный предмет, дающий его обладателю совершать сверхъестественное или предохранять от несчастья. Плиний так и характеризует его как отражение чар. Арабы подобные предметы характеризовали словом, которое в переводе обозначало «носить», а к нам перешло как «талисман». Поэтому в таком почете у греков был аметист, который они носили в перстнях.

В средние века христианская церковь запрещала носить амулеты и карала за это вплоть до сжигания. Но бороться с этим было настолько трудно, ведь обычай носить предметы уходил своими корнями еще в языческие греко-латинские обряды. На востоке, наоборот, ношение предметов считалось нормальным явлением.

Надписи на предметах, которые должны были служить талисманами, делались так, чтобы можно было прочесть не переводя на бумагу в виде оттиска. Надпись на перстне с сердоликом была сделана обратно. Княгиня Воронцова, очевидно, была в заблуждении относительно качества перстня. Но это заблуждение послужило источником незабываемых поэтических строф Пушкина от такого, казалось бы, обыкновенного предмета.

Поэтому когда появилось стихотворение «Храни меня, мой талисман», то его по традиции стали причислять к тому же циклу произведений как еще одно доказательство существования перстня-талисмана, подаренного Пушкину Воронцовой.

Как справедливо пишет А. А. Ахматова в своей работе о Пушкине: «Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. Из стихов может возникнуть нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал — во всей многоплановости пушкинского слова» (Ахматова А. О Пушкине. Волго-Вятское кн. изд-во, 1984.— С. 233).

Исследователей как-то не настораживало, что стихотворение «Храни меня, мой талисман» было написано на два года раньше, чем стихотворение «Талисман». При этом игнорировалось, в какое время оно было написано. Не придавалось значения повседневной жизни поэта в Михайловском, его судьбе, одиночеству и неизвестности ссылки. Вот почему смысл и подтекст самого этого стихотворения трактовался ошибочно. Возникновению ошибочного мнения, что у Пушкина был один перстень-талисман, который годился на все случаи жизни, способствовали авторитетные свидетельства В. А. Жуковского и И. С. Тургенева. При этом просто забыто столь авторитетное свидетельство В. И. Даля о существовании другого перстня-талисмана. Но если о нем и знали, то не делали различий между ними.

Сошлемся только на П. В. Анненкова, который, издавая в 1855 году «Материалы для биографии А. С. Пушкина», писал: «Он (Пушкин)... соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им. Перстень этот находится теперь во владении В. И. Даля» (М., 1984.— С. 175.)

Жуковский так был очарован перстнем с сердоликом и вырезанными на нем таинственными знаками, что носил его постоянно на среднем пальце правой руки рядом с обручальным кольцом. Как он говаривал, Пушкин и жена занимали равное место в его сердце. На портрете, написанном художником Рейтерном, тестем Василия Андреевича, за границей в Дюссельдорфе, где проживал последние годы Жуковский, 57-летний поэт нарисован в полный рост. На среднем пальце правой руки изображен перстень-талисман с сердоликом, на безымянном пальце — обручальное кольцо. Таково было желание Жуковского. Если он и знал, что у Пушкина был перстень с изумрудом, то, как и другие, не придавал ему должного значения.

Пропал бесследно перстень-талисман романтической любви поэта. Но след его в жизни и творчестве Пушкина был огромный.

Перстень-талисман с изумрудом сохранился. В творчестве Пушкина он сыграл свою роль, с ним связано стихотворение «Храни меня, мой талисман», тесно переплетающееся с судьбой самого поэта.

Подтверждением этому служит заказанный самим Пушкиным в 1827 году портрет, где на большом пальце правой руки отчетливо виден талисман-изумруд.

Л. И. Звягинцев, доктор геолого-минералогических наук